

Любовь Турбина

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ЧУДО

Стихи разных лет

Москва
Издательство «БПП»
2010

*Стихотворения представлены
в авторской редакции,
орфографии, пунктуации*

КАК ТРУДНО ДАЛИСЬ ЭТИ ГОДЫ

* * *

И начиналось утро — морем,
И называлось это — счастьем:
Бакинский университет,
Распада и в помине нет

Того, что звали мы Отчиной...
Ты позволял мне быть капризной,
Ступени медленно вели
В урок «Азербайджан дили».

Восток загадочный, неспешный,
У поцелуев вкус черешни...
Но ветер гнал издалека
Чернобыльские облака.

Беда — она подкралась с тыла,
Тогда нас всех разъединило,
И что до этого теперь
Во мгле сегодняшних потерь?

Но как бесценные каменья
Перебираю те мгновенья —
Нетленной радости запас,
Что на плаву удержит нас.

* * *

Как трудно дались эти годы:
С частицей и черточкой — post,
Подземные переходы —
Тупик или к вечности мост?

Где мечутся люди и тени
(И кто их теперь различит?),
Где нищий сидит на ступенях,
И голос в тумане звучит.

Какой-то романс запоздалый
Про сад в хризантемах и снег...
И вот порученец усталый
На миг, но замедлит свой бег.

А если не музыка, что же,
Продлит экзистенции миг,
Раздвинуть пределы поможет,
И мы не упрёмся в тупик?

* * *

*«Думали — нищие мы»
Анна Ахматова*

Поезд застыл — вокзал поехал;
Это земля течёт под ногами,
Крикнешь — «куда?» — но не слышно эхо:
Это Родина расстается с нами.

Думали — это от нас зависит,
Синий плащ примеряли — к разлуке,
И вот непонятно над чем повисли,
Чувствуем — вот-вот ослабеют руки.

Вдруг ощутили клеймо сиротства,
Птицы взметнулись — вслед за отцами...
Мы потеряли свое первородство —
И Родина расстается с нами.

* * *

Кто камень катит вверх — сорвется!
(Чем ближе к цели, тем больней!)
Никто на крик не отзовется...
И нет просвета в чаще дней.

Вот мертвечина из тумана
Скрипит, ползет, бормочет вздор...
И жизнь — из связного романа
Опять — в рассыпанный набор.

БОГЕМА

Давно ль это было, недавно —
Ждала от судьбы перемен:
Сегодня я нежная Дафна,
Вчера роковая Кармен.

Меняла прически и платья
По настроению — но
Однажды от цепких объятий
Осталось на шее пятно.

Те облики и отраженья
Остались в плену у зеркал,
Сквозь пестрое окруженье
Проглянул вдруг жесткий оскал.

И как-то во сне, холодея,
Я вспомнила, сколько мне лет...
Проснулась и думаю — где я?
Смотрю — а нигде меня нет.

* * *

Блаженны одни телевизор смотрящие...
Каюсь — святыни затрону!
Выпуклоглазое чудо, стоящее
Там, где висела икона.

Трудно достался и стоил недешево —
Бедные, темные предки!
Вам и не снилось, какое мы крошево
Кушая, смотрим с кушетки.

Если же в душу заглянет сомнение,
«Глаз» не допустит урона —
И начинается сладкое пение
Сиринов по микрофону.

Так я считала — недавно по времени:
Несколько лет быстротечных!
Принадлежала к счастливому племени
Гордых, семейных, беспечных.

Мой телевизор — на завтрак, за ужином
Гостем включился бессменным...
Знать, за грехи наречен моим суженым:
Нищие духом — блаженны!

* * *

Доброта ли мягкотелость?
Поступала как хотелось,
Из души моей обиды
Время смыло как волной.

Но сквозь годы как сквозь чашу,
Продирается все чаще,
Не теряется из вида
Взгляд обиженного мной.

МАМЕ

Как безропотно листья ложатся на крышу!
Осень позднюю в мамином голосе слышу.
Словно пленная птица, мама смотрит в окно —
Много жести, бетона... а деревце только одно.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Когда туманная зима
Уводит в грешное свиданье,
То грезы — прихоти ума —
Лазейки ищут оправданью.

Не путь — изгибы либерти,
Разлегся город в сонном всхлипе,
Осталось реку перейти —
Откуда в Минске Миссисипи?

И странно — этот дом возник
Когда под мост снесло течение...
Жилище сложено из книг,
Но на сегодня хватит чтенья.

И фортепьяно, и огни,
Окно, за ним пейзаж отечный...
Ужель решимся мы (они!)
Глотнуть печали этой вечной?

* * *

Жизнь — упущенное чудо...
Лоскуток цветной бумаги
В сумке прачечной — откуда?
Я нашла. Насквозь от влаги
Мокрый — дождь размыл узоры.
Вдруг проснулось — в эти числа
Длились в домике у моря
Дни, исполненные смысла.

Сколько? — помнить бесполезно,
Золотое изголовье,
Мост, раскинутый над бездной,
Именуемый любовью.

Как просвет в иные сферы
В череде линейных буден,
Праздник сердца, Джампиеро —
Нежно имя, облик чуден.

Катишь яблоком по блюду:
Где ты — вдруг мелькнёт отгадка?
Жизнь — упущенное чудо,
Горький плод, по виду сладкий.

Не вцепилась мертвой хваткой.
Ожидая знака свыше...
Так я думала украдкой,
Дробный стук колес не слыша:

Скачет конь судьбы — и рядом
Радость — это рыцарь риска:
Вездесущий Мальдис Адам
Мне везёт твою записку!

УЛИЦА ДЕТСТВА

* * *

Скарлатина, бумазея,
Ребятня вокруг, глаза,
На лоскутном одеяле
Красный — в розах — лоскуток.
Вот везут меня в карете,
(Безразлично все на свете):
Тусклым голосом позвали
В «неотложку» как в мешок.

Пожалели — косы целы,
Потолки и стены белы,
Я очнусь уже иною —
Оттащите от окна!
Мама в шляпке с вуалеткой,
След слезы глубокий, едкий,
Но прозрачной пеленою
Навсегда отделена.

Бумазея, скарлатина,
Долгий месяц карантина,
Все домашние задания —
Криво, косо, как-нибудь.
От кошмара, наважденья
Обрела освобожденье:
Вспомнить — дать тому название —
Что теснит и давит грудь.

* * *

Перо нам — от птицы,
От древа — бумага,
Из тучи чернила —
Небесная влага,
Усмешки и слезы —
Все в дело, все — благо,
Но где взять решимость
Для первого шага?

От робкого шага
До легкого взмаха
Лежит полоса
Отвращенья и страха.
Пока на груди
Не промокнет рубаха —
Не вылетит слово
Живое, как птаха.

Перо нам — от птицы,
От древа — бумага,
Из тайного страха
Куется отвага.

БАЛЛАДА О БУЛОЧНОЙ

На перегибе лет виднее даты —
Опять снежок под валенком скрипит:
Мой молодой отец по Ленинграду
Идет со мною за руку, сердит.
О булочной тех лет пою балладу —
Пусть замысел покажется нелеп —
Пять лет назад окончилась блокада,
По карточкам пока давали хлеб.

Отец молчит, и я как онемела:
Он не хотел меня с собою брать —
Ведь в очереди — будничное дело —
Нам долго с ним на холоде стоять.
Лицо толпы застывшее сурово:
Безропотно и ночь стояли все б,
Но только соль — да праздничное слово —
Необходимей могут быть чем хлеб.

Я догадалась вдруг — вы сказки ждете?
Со звоном в тишину упал пятак.
Вы не встречали Тима, дяди, тети?
Он где-то близко, слышите — кряк, кряк!
Тим победил. Я чувствую — гордится
Сейчас отец — как прежде был он слеп!
Оттаивали каменные лица,
Был необычно вкусен после хлеб.

Утенок Тим — семейное преданье,
Взаимы из детства дерзости взять мне б,
И наконец, всей жизни в оправданье,
Найти слова, насущные как хлеб.

ОТЕЦ

Причуды ли, прихоти ради,
С ружьем как с игрушкой в руках,
У ног — Нарочанские глади,
А кудри плывут в облаках.

Зачем же — терзаюсь вопросом —
Запомнила с детства седым?
Каким ты казался мне взрослым!
А был ведь совсем молодым.

Размечена жизнь на уроки,
Виновность — как горб за спиной.
Каким ты казался мне строгим,
А строг был к себе, не со мной.

Но ты за столом в ореоле
Той лампы, светившей ночам...
Но мысли высокое поле —
Не кажется — есть и сейчас.

Гляжусь в старый снимок как в воду —
Зеркален рисунок лица.
Мостом изогнулась сквозь годы
Навстречу улыбка отца.

13 МАРТА 1947

Внезапно сознаю — одна в квартире —
И на меня со стен сползает жуть:
Я чувствую — творится что-то в мире,
Но валенки никак не натянуть...

А баба в шубе с запахом горелым
Зачем за дверью ? — Только неспроста:
Вдруг распахнется и белеет телом,
Страшнее смерти эта нагота...

И я ору и голос свой не слышу,
По лестнице пускаюсь наутек,
Лишь во дворе опомнюсь у афиши:
Трофейный фильм идет с Марикой Рокк.

Весь Ленинград смотрел, ломились залы:
Заждались люди радости, пора...
На улице я папу не узнала —
В тот день и родилась моя сестра.

* * *

Ты помнишь детскую, сестра?
Глухая ночь, а нам не спится,
И продолжается игра:
—Ты где хотела бы родиться?

В какой стране, в году каком?
Еще не слышно перелома,
Стыл город детства за окном
Как призрак «Ледяного дома».

Я вся — действительности вне,
Но зреют мартовские иды,
Еще загадочен вполне
Мир этих взрослых, скорбных с виду...

И рухнет ледяной дворец,
Последний символ тьмы кромешной,
И ненадолго ветер вешний
С Невы подует, наконец...

Вот наши девочки, пора
Нам с ними вместе подивиться:
В какой момент и где, сестра,
Нам посчастливилось родиться!

БРАТУ

Далекие птицы крестами
Легли на остывший закат.
Вослед улетающей стае
Гнездо покидает мой брат.

Давно ли? Да только что вроде
Он кустиком тронулся в рост,
И взглядом блестящих смородин
Меня провожал до ворот.

И спицы впивается жало,
Когда отворяется шкаф:
Тебе этот свитер вязала,
Не кончила левый рукав.

А сад зарастает крапивой,
А в доме — холодная ночь.
Смотрю, как уходишь, красивый,
Стою и не смею помочь.

Судьбу уютюгом не разгладишь,
Дорога пошла на излом...
Последний, единственный, младший
С одним лебединым крылом.

* * *

К вечеру вспомнят поверья
Светлые пятна озер.
Страшно утратить доверье
Братьев своих и сестер.

Травы, деревья и птицы
Словно чужая страна:
Вдруг угадаешь их лица,
Вспомнишь с трудом имена.

Но пониманье утратив,
Как-то и слушать отвык
Посвист укрывшихся братьев,
Сестринский древний язык.

Ветви протянут объятья
Прежде чем вспыхнет костер —
Руки покинутых братьев,
Слезы далеких сестер...

* * *

Где центр стремительного круга?
Стрижи по небу чертят дуги
На закате дня,
И ужин в доме ждет остывший...
Все далеко, кого любила,
Помнят ли меня?

Из гнезд пустых не слышно пенья,
Несу охапкою поленья
Греться у огня.
Дрова сырые пламя гложет,
Но среди них сгореть не может,
Тлеет головня.

Ну хоть бы скрипнули ступени!
Опять в углах скопились тени,
Тишину храня.
Я не прошу любовь обратно,
Но в час печальный, предзакатный,
Вспомните меня!

14 СЕНТЯБРЯ

Вновь сентябрь устало
Красит охрой траву...
Я однажды летала
Не во сне — наяву.

Все тесны оболочки
Духу — в час торжества:
Новорожденной дочки
Крик победный — жива!

Я вернулась обратно,
Смертный смерив предел,
Став сильнее стократно,
Но белее, чем мел.

Многоцветно, опасно
Зацвело бытие,
Только мне неподвластно
Стало тело мое.

Лишь стекло помешало
Окунуться в зарю...
Еле ноги таскала,
А казалось — парю!

* * *

Мимо пролетают — тени не спугнут
Бабочки мгновений, ласточки минут,
Пробегают мыши серые ночей:
Стук дождя по крыше, шорох у печей.

Днями — электрички стороной гудят,
Липою в июле пахнет тихий сад.
Грохотом осыплет с неба самолет —
Серебристый — в синем — пролетает год.

Только с каждым годом выше из травы
Светлый одуванчик детской головы:
Стебель—тонконожка с розовым сачком
Бегаёт за каждым встречным мотыльком!

Главное — а дети тут мудрее нас —
Происходит в мире именно сейчас!

ПЕРЕД СНОМ

А этим взрослым, что им надо?
Зачем укладывают спать?
Без нас, на кухне, полной чада,
Во что теперь начнут играть?

Уже и форточка открыта:
За ними нужен глаз да глаз...
Заплакать, что ли? И сердито
Мне закричат: — Иду, сейчас!

И та, что мне казалась мамой,
Хлебнет из склянки на столе —
Вдруг станет ведьмой страшной самой,
Взовьется в небо на метле...

И то ли ведьма, то ли птица
Неслышно сядет на кровать
И скажет: — Доченька, не спится?
Зачем так страшно ревновать!

* * *

Вот стою на пороге, всем ветрам отверста —
В узелке уместилась вся кладь,
Еще бродит по свету сколько хочешь ответов —
Кем угодно могу еще стать!

В сжатой почке — энергия взрыва,
Я еще не отрезала кос,
Темнолица, сутула, почти некрасива,
Принимаю все сердцем, всерьез.

Жизнь в предчувствии тайного дара
Манит в гущу событий и лиц...
Бедный князь — мой двойник
— с узелком из фуляра
Отпустил меня с книжных страниц.

* * *

Стало весной на дорогах
Больше раздавленных птиц.
В окнах автобусных много
Женских измученных лиц.

Сухо. Весна как чужая
Мимо, впервые, дразня...
Старые листья сжигая,
Греется ребятня.

Детство — святая Отчизна,
Гибелен почкам мороз,
Жалобных или капризных
Детских не вынесу слез.

ГОРОД ЛЮБВИ

* * *

«Люблю» — слово вылетит вместе с дыханьем
И миг растворится навечно в молчанье,
Так ветер уносит и листья, и нас,
И вечер октябрьский, прозрачный погас.

«Люблю» — ты не сгинешь безвестным во мраке!
Плывут облаков торжествующих флаги,
Не листья опавшие — праздничный хлам —
Все золото мира ложится к ногам.

ПРЯЖА

В электричке, трамвае, на пляже
Много женских склонившихся лиц,
Приглядишься — реальность из пряжи
Сотворается с помощью спиц.

И бормочется тайное что-то,
Корневая прослежена связь:
Не о том же пытается тщетно
Нам поведать старинная вязь?

Петли к петельке — ровно, красиво,
Ни оборванной ниточки — глянь!
От удара, навета, разрыва
Защитит рукотворная тканьь.

Петли к петельки — сколько терпенья!
Так прочна эта тонкая нить...
Мама скажет: — вязанье — везенье,
Доля наша такая — хранить.

* * *

Он протянул навстречу вдруг
Ладонь — из юности той дальней,
И выраженью «кисти рук»
Вернулся смысл первоначальный.

Точней — торжественная «длань»
Тут подойдет — так пальцы гибки...
Срок подошел — взимаем дань
За те нелепые ошибки.

Касаний легких колдовство,
Весь сад Таврический в сирени,
Он тесен нам, но отчего
Мы явно избегаем тени?

На лавках чинные старушки
Сидят с тех пор, давным-давно,
Когда пропажею игрушки
Здесь детство было смущено...

Но час кончается, и даже
Я говорю сама — иди!
Еще сознание пропажи —
Весь главный ужас — впереди.

* * *

Пробуждающий к жизни и радости дар!
(Невозможно логично и в прозе...)
Не сжигающий — душу ласкающий жар,
Долгожданный костер на морозе.

Освежающий в сердце открылся родник,
Что таился под снегом глубоко:
Как внезапно, без зова ты в жизни возник —
Не исчезни, молю, ради Бога!

ЗАКЛИНАНЬЕ

Ты не забудешь, не остынешь...
Сверкает иней, холод лют,
А если все-таки покинешь,
Пусть нас иначе нарекут.

Целую адрес на бумаге,
Хранящий след твоей руки...
Спасти — достанет ли отваги —
Пером от натиска тоски?

Любовь бесценный дар. Как близко!
Не разделить для всех времен.
И замолчу, склоняясь низко
Пред прозорливостью имен.

ПЕЙЗАЖ

Небо севрского фарфора
Светло-серое, в узорах,
Острый блеск тревожит взоры —
Ветви в инее. В тишь.

Разобщенные, не в ссоре,
Не теперь, но вскоре, вскоре!
Но насквозь промерзнет море —
Так упорно ты молчишь.

И сверкает Минск морозный
Красотой кристальной, грозной!
Не откликнись слишком поздно
Ты — дарящий до сих пор:

Ликованьем — полной мерой,
Впредь — терпением и верой...
Фиолетовый и серый
Севрский — в сумерках — фарфор.

ГОЛОС

Я в этот голос влюблена,
Такой насмешливо-неспешный,
И вдруг повеет садом вешним
От леденистого окна.

Международный телефон,
Общенье душ на расстоянье...
Забыты муки ожиданья,
И отлетает долгий сон:

Чуть интонация слышна,
Зато твое произношенье
Волнует как прикосновенье, —
Я в этот голос влюблена.

Яви же милость мне — возьми
Все, чем владею, без остатка.
И тот же голос — властный, сладкий,
Едва открою Низами.

Но мудрых мыслей жемчуга
Нанизаны на нить мелодий...
Превозмогу томленья плоти —
Мне книга эта дорога.

* * *

Ты уходил бесповоротно,
А я смотрела вслед без слез,
Доверясь чуткости природной:
Мол, это горе не всерьез.

Была уверенность — откуда?
Что впереди — не день, не час
(Беспечность любящих — вот чудо!)
Хранится вечность про запас.

Транжирую ценные минуты...
А кто посмеет помешать
Тебя обиженно-надутым
Ежевечерне воскрешать?

Владею словом приворотным:
В котомке памяти, на дне,
Найду, и вновь бесповоротно
(Невероятно, сумасбродно!)
Ты приближаешься ко мне.

* * *

И сразу небо почернело,
И содрогнулось в муках тело,
И как отрезало чертой —
Когда над городом и садом
Нависла туча ливнем, градом
Чтоб отделить меня от той —
Счастливой. Влагою обильной
Облита, брошена бессильной,
И землю горестно грызу:

Я без тебя не существую,
Лишь к высоте тебя ревную,
Уже не жить мне здесь, внизу.

* * *

Ты обозначился в судьбе
Как возвращение к истокам:
Вернул меня к самой себе,
Наполнил вены свежим соком,

Наполнил смыслом каждый миг...
В пустом саду запела птица,
И глади вод коснулся блик —
О, помоги довоплотиться!

Пусть солнце скроется за край,
Чтоб встать, живущему во благо...
Пустыня, где иссякла влага,
Жизнь без тебя — не улетай!

* * *

Ну, разумеется, ты прав —
Давай смотреть на вещи шире:
Все зло от женщин в этом мире,
Ну, разумеется ты прав.

А ты и ласков, и лукав —
Графолог долго ищет слово...
О, дай обрадоваться снова
Что ты и ласков, и лукав!

.....

За совершенную любовь,
За дерзкий взлет — не жду пощады,
В колючках все дороги к саду;
Приму и слезы как награду
За несомненную любовь.

ПРОЩАЛЬНОЕ

И вот, когда почти смирилась
И перестала возражать,
До смерти заново влюбилась —
Настало время уезжать.

Шекспир писал про укрощенье,
Сюжет и до сих пор живет...
Свежо презрительное мненье
Сестры — поборницы свобод.

Какая роскошь — быть послушной!
Податлив, словно воск, мой нрав.
В конце скажу великодушно:
«Ну, разумеется, ты прав!»

И отблеск нежности нездешней
Мелькнет в ответ из-под очков:
Пред расставаньем неизбежным,
Когда уже не слышно слов.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Ты, наконец, явился мне...
Спешу, от счастья в полусне,
Удостовериться, коснуться.
Одновременно — со спины
Идущих двое мне видны:
Молю тебя не обернуться.

И прижимаюсь лбом к плечу,
Совсем совпасть с тобой хочу,
К незримой движемся мы цели...
Полет танцующий листа —
И странно улица пуста,
Твой голос слышен еле-еле:

Но мне гонения грозят, —
Невольно дернулась назад,
Затем придвинулась поспешно.
И серой пахнет лист сухой...
— Куда угодно за тобой, —
Шепчу в ответ я безутешно.

Тут листья вспыхнули как медь,
И сразу начало темнеть,
Все закружилось в дикой пляске...
— А где была ты?.. — Тише, стоп.
Он не таков, вопрос твой, чтоб
Теперь предать его огласке.

* * *

В мире вымерло веселье,
Одолела скука.
Снег справляет новоселье,
Стелется. Ни звука.

В темном небе — блески соли
Звезд, и голос глуше:
Прежний, тот, блаженной болью
Утолявший душу.

Все, застыла птица в клетке,
Сердце туго сжалось...
Там, в саду, с последней ветки
Яблоко сорвалось.

* * *

Туман, и лужи непролазны.
Сама себе твержу: не плачь!
Судьба страшует от соблазна,
Оберегает от удач.

Пусть пеплом тронуты желанья —
Не рвусь, как прежде, вмиг сгореть,
В свой путь, в Твое предначертанье
Надеюсь веровать и впредь.

Все впереди — продлись, мгновенье!
Все впереди — помилуй нас!
Но удели, пусть в счет спасенья,
Хоть каплю радости — сейчас.

* * *

Ты есть — случилась весть
В миру невзгод и бедствий!
Не объяснить, не счесть
Первопричин и следствий.

Иных, чем легкость плеч,
Не требуй подтверждений...
Укрыть от глаз, облечь
В покровы сновидений.

Осилив лету вплавь,
Замри, умри, воскресни,
Как в явленную явь
Вплывая в Песню Песней.

О, бедный Соломон!
О, Суламифь нагая!
Течет по жилам звон,
Из слез стихи слагая.

Качается ковчег —
Живое вечно хрупко —
Стряхнув с оливы снег,
Приносит весть голубка.

НАША НАДЕЖДА ЖИВА

* * *

В.А. К — О

Воздать хвалу! — Но снова трушу,
И даже не лицом к лицу,
Но тайны сердца не нарушу,
Не сдуну с бабочки пыльцу...

В литературе — званых много,
Пьянит известность как угар,
Но видеть в каждом образ Бога —
Вот высшей избранности дар.

Пускай подобье лишь отчасти —
За нас на смерть вошел Христос...
Кто тяготиться всякой властью —
Тот до нее и впрямь дорос!

Но вера в лучшее — опора,
И не умрут добро и честь!
Слышны шаги по коридору:
Спешу туда, навстречу взору —
Свет ежеутренний — Вы есть!

* * *

Крыжовка, осень, запустенье,
Леса опавшие молчат,
И сердце просит утешенья
В предчувствии иных утрат.

Вдруг дуб стал красным как из меди
На недожатой полосе,
И ангел на велосипеде
Проехал мимо по шоссе.

Светились светлые одежды,
(А горизонт от туч свинцов)!
И все безмолвнее, чем прежде,
А после — звук забытых слов:

Я дам тоскующим свободу,
Я дам мятущимся покой...
И голос рос до небосвода,
И растекался над рекой,

И колесом велосипеда
Катился солнца бледный круг...
Крыжовка, осень, ангел едет,
И восхищенье — как испуг.

* * *

Кто обживал своим теплом
Необозримые пространства,
Кто замерзал в снегу сыром,
Продавший душу бесу странствий,

Лишь тот, как в омут головой,
Поймет вокзальную тревогу:
Обручена (тайком) с тобой,
Обречена (навек) дороге.

О, машинист, гони состав,
Не пропускай вперед товарный!
Пусть я виновна, кто-то прав, —
Но мне ли быть неблагодарной?

Мне есть кого любить, ямщик!
Минуя снежные заносы —
Еще далек, надеюсь, миг,
Когда слетит вагон с откоса!

* * *

Вода, огонь, земля, любовь —
Первично все. Нет, первозданно...
Как нынче вечером туманно,
И путник просится под кров.

Оберегают сосны дом,
Они стройны и безмятежны,
А ночь постель укроет снежным
Сверкающим пуховиком.

Мне б стать сосной в твоём саду,
Чтоб никогда не разлучаться,
И утром веткой в дом стучаться:
— Эй! Выходи скорей — я жду.

Я с темнотой стремлюсь сюда:
Гори, окно под острой крышей;
И нет единственной и выше —
Гори, полночная звезда!

* * *

Вечерний, первый снег среди ветвей,
Укутанных тончайшим снежным пухом...
В короне, сотканной из нежности твоей,
Я не посмею падать духом.

Чуть сумерки — в прохладу, за порог:
Здесь даже скрип шагов звучит цитатно...
Кольцо печали, обруч, ободок
Смыкается калиткой — и обратно.

Слышны слова, не сказанные вслух:
«Не отпускай!» — «Останься!» — вторит эхо.
И даже чуткость чуть ли не помеха
То оберечь тончайшее, как пух...

* * *

С годами приходит обратное зренье,
И видится детство особенно ярко:
Дороже мне было отца одобренье
Любого подарка.

Но помню и это — сплошные сомненья:
Испорчено платье, плохие отметки...
Непросто жилось мне — отца одобренье
Звучало так редко.

А может быть, жаждал он сам восхищенья?
Моя виноватость его раздражала...
Довольно, оставим вину и прощенье —
Так времени мало.

Я помню о трудных правах первородства,
Сумею еще, одолею усталость...
И гордость — бесспорное профилей сходство —
И нежность, и жалость.

* * *

Утекающее время... Прозвучало

— слишком поздно!

Из разболтанного крана струйкой крутится вода.

Проросло сомнений семя

— за окном темно, морозно,

И сочится кровь из раны, исчезает без следа.

Утекающее время я кляню и плачу слёзно,

Все от холода застыло, сердце в горести — беда...

Тяжко бремя ожиданья, тьма густа,

но небо звёздно,

Что случается однажды — происходит навсегда.

ПО УЛИЦЕ ЯНКИ КУПАЛЫ

И вот что во сне приключилось со мной —
Родительский дом обошла стороной:
Вдоль Свислочи, дом возле парка,
И окна, горящие ярко.

А улица тихо вплывала во мглу...
Тот розовый, каменный дом на углу
По улице Янки Купалы,
И голос — « Ну, где ты пропала?»

Я мамин узнала, но кинулась вниз,
По мостику, вслед доносилось: «Вернись!»
Укрылась в тени и промокла,
А папа все смотрит сквозь стекла.

А рядом со мной кто-то есть или нет?
Попристальней глянешь — мелькнет силуэт.
Оставила дом свой — и сразу
Там с крыши посыпались вазы...

* * *

Вдали по дереву стучали...
И страсти выплеснулись в зал:
Конец столетия — в начале
Себя как в зеркале узнал.

На перекличке поколений
Зачем искать, кто виноват?
Чтоб больше света, меньше тени,
Срубают мой вишневый сад.

И три сестры, у рампы стоя,
Твердят свое: в Москву, в Москву!
А мы с сестрой напротив — двое,
Но это нас они зовут.

Сквозь век был путь непрост, печален,
Итог скитания такой:
Конец с началом впрямь зеркален —
Срубают липы на Тверской!..

* * *

Так вот он — тот прежний, кудрявый, живой!
Его на машине везут грузовой,
Он в кузове едет — под стражей,
И я пробираюсь туда же.

Трясет на ухабах — а он — в полный рост,
Не гнется — не может покинуть свой пост,
От качки чуть звякнут оковы,
Увидел меня — и не слова.

И хлынули слезы внезапно — сбылось!
К ступням его никну волною волос...
Не ведаю — правый, не правый,
Но след поцелую кровавый.

Ни слова не вымолвлю, каждое — ложь,
И даже молчанье не золото — грош,
Разомкнуто в вечность пространство,
А имя любви — постоянство.

* * *

Случились подряд невозможные вещи —
Звонок твой, а прежде — землетрясение...
И май отошел в своем блеске зловещем
Мистерией смерти и воскресенья.

Все взбунтовалось — погода и цены,
Катится шар все быстрее по наклонной,
Не Афродита родится из пены —
Змей выползает к Лаокоону.

Странно не манят далекие виды,
Вянут в цвету мировые идеи...
Но плодоносна, как прежде, Колхида,
Ждет аргонавтов у моря Медея.

Он не изменит, все будет иначе!
Нету отвергнутых или отвергших —
Наша надежда жива, если плачем,
Как же всех жаль, и живых, и умерших...

Полные соком, и солнцем, и кровью
Дни, драгоценней пригоршни черешен...
Если нет в мире бессмертной любви,
Если мы знаем — конец неизбежен,
Если остались еще обольщенья,
Если и правда — дела наши плохи,
Боже, прости мне мои прегрешенья,
Не отбирай этой радости крохи!

ОТПЛЫВАЮЩИЙ КАТЕР

Когда показался прогулочный катер —
Посланник Гермеса в крылатых сандалях —
Для всех, кто на берег пришел на закате,
Для всех, покидающих близких и дальних.

Когда подвернулась прогулка как повод
Рискнуть — изглодали сомненья проказой...
И след на воде как натянутый провод,
Которым любой из нас к дому привязан.

Когда впереди нищета и мытарства,
Уехать — такая мелькнула возможность.
... Отъезд навсегда в тридешатое царство,
Привет от Артюра, долой осторожность!

Когда увлекли нас куда-то дельфины
И поздно, похоже, идти на попятную,
То ужас разверзся бездонной пучиной,
И молча кричу — поверните обратно!

Наш катер — корабль, мятежный и пьяный,
Едва различимый, проносится мимо
Покинутый берег обетованный...
Звучит «Эмигрантская песня» Максима.

СНЫ—ГОРОДА

* * *

Сны-города, просыпаясь, остыну от плача,
Все как тогда, иногда, понемногу
— иначе,
Там, за кирпичной стеной,
поворот и калитка:
Справа налево завит переулок улиткой,
Диким плющом затянуло балкон наш
и хмелем,
В юности, очень давно, наизусть, еле-еле,
Робко по клавишам пальцы
сбивались со счета
Каменных лестниц
ступени,
перила,
пролеты,
Двери беззвучны
и зеркало тускло в прихожей...
Сны-города,
но все уже дорога туда
и все реже прохожий.

* * *

Не изгоняли, увезли,
Без лишних слов, по малолетству.
Туманный берег, город детства —
Громадой каменной вдали.

Университет и длинный двор,
Где пахло гарью — и цветами...
Вторично мы родимся сами
Там, где душа отверзет взор.

Со сне я видела зимой
Последний день — без колебанья
Мое последнее желанье —
Перенестись туда, домой!

Блестит замерзшая Нева,
Я вдоль — не узнанною тенью,
Как виноватая в измене,
Как будто я уже мертва.

С закатом истекает срок,
И слабо теплится надежда:
Меня узнает встречный прежде
У дома, где родился Блок.

* * *

Скучаю сладко так
я по большой Пушкарской,
Где красят особняк,
запущенный и барский,
Скучаю нежно в нем
по комнате просторной,
Где полумрак и днем
за шторою узорной...
Но как читалось нам
на бархатной кушетке!
Скучаю по шагам
настойчивой соседки,
По множеству вещей,
без коих нет уюта:
По чистке овощей
и по мытью посуды,
По запертым дверям
с щеколдою старинной,
По вальсу и свечам
на полочке каминной...
Нас уносил Шопен
куда-то по спирали.
Грядущих перемен
понятен смысл едва ли;
Свечение двух лиц
— напротив, с чашкой чая,
Общенье без границ
— я по тебе скучаю!

* * *

А в Петербурге майском — ах!
Сирени в слипшихся цветах,
Как и когда-то, ночью белой,
Дал обещанье — жизнь назад:
Приду — пусть будет камнепад...
Я не дождалась, не сумела.

И львов крылатых у моста,
Где нам закат сомкнет уста,
Пред темнотою вечной, Боже!
И о Венеции мечта,
Где все — распада красота,
И с Петербургом летним схожа.

А на Сенной теперь метро,
И от ларьков вокруг пестро,
Свернешь — и вновь гранит канала.
И тень моя скользнет к воде,
К той маслянистой, темной, где
Живое всё берет начало.

* * *

Леша — легкость, летучесть, любовь...
Был тогда еще Вильнюс без визы,
Снег и свечи, оплавлены в кровь
Остробрамские светлые ризы.

Вильнюс — вольность, литой сундучок,
Ключ в толпе у горы Гедимина,
Темной Нерис струился поток,
Близко бродят лихие литвины.

Это помнится с тех пор, когда...
Мир меняет свои очертанья —
Все уплывшие сны-города,
Влажность голоса, легкость касанья.

* * *

Старый город — створки рамы
Вдруг раздвинулись — возник
Матка Боска Острой Браммы
Богоявленный Твой Лик.

Снег колеблет очертанья
Слава движется окрест —
Исполнение желанья,
Символ: сердце, якорь, крест.

Ввысь уносятся напевы...
Замолить невольный грех
Помоги, Святая Дева:
Стыдно быть счастливей всех!

Растворяясь без остатка
У подножия святынь —
Матка Боска, как же сладко...
Радость — смертных — не покинь!

* * *

Прилепилась к стенке стенка,
Затвердели маски в крике,
По разбитой в кровь коленке
Вспомнишь вдруг об Эвридике,

Что скользит неслышной тенью
В самый жаркий полдень лета
Узкой улочкой — к забвенью,
К темноте зимы — из света.

В краткой длительности мига
Обернешься — я растаю,
У фонтана в старой Риге
И прощаюсь, и прощаю.

Вальса волны и воланы
От оркестрика под липой,
Голос влажный и желанный
В трубке — словно моря всхлипы...

* * *

О, тихий Амстердам...
Мой светлый лебеденок —
Вот, наконец, ты там,
Сирена и ребенок,

Впервые в стае тех,
С тобой одной породы —
Здесь серебрится смех
И мирно льются воды,

Здесь платина волос —
Обычная раскраска,
Обличие, не маска.

А город как наркоз
Хронической печали,
Той, что поэты знали,
И даже Бальмонт сам,
Воспевший Амстердам...

* * *

Я по Софии гуляю по ночам,
Ветер волосы раскинул по плечам,
Хоть давно уж нету длинных тех волос,
Только встретиться нам снова довелось:

Ангел Къничев, угол улицы, дом пять,
Вы сумели эту встречу предсказать,
И навстречу — не приветствие, вопрос:
Почему не вижу длинных тех волос?

... Я по Софии гуляю по ночам,
Ветер волосы рассыпал по плечам;
Что на свете — я услышу — позови! —
Долговечней мимолетности любви?

* * *

Не чужая я здесь, и походка легка
небывало...

Свою первую, юную Польшу
протанцевала:

Душистый горошек, гвоздики,
Сквозящий мотив «Эвридики».

Были волосы длинные, прямо висящие
в моде

Как теперь, но в Варшаве,
во Вроцлаве,
в Лодзи

Все те, кто войну пережили,
Тогда еще русских любили.

Ах, какие то были блаженные, длинные
танцы:

Чехи, прочие шведы и даже
новозеландцы...

Стояло дождливое лето,
Узнала на танцах полсвета.

Танцевали и пели, бездумные
словно стрекозы...

Ну, а после — домой, и зимой
— сожаления, слезы.

Вернулись — и стало понятно:
Напрасно спешили обратно.

БАКУ

Этот город — корабль на закате,
Этот черный — по красному — дым
Уплывает — не плачь об утрате,
Но запомни навек дорогим.

Мы стоим на балконе высоком,
Море дышит — и ныне, и впредь,
Все живое стремиться к истокам,
Срок назначен — уже не успеть.

Но расстаться совсем — невозможно,
Уплывешь — я опять завлеку,
И кинжалом отточенным в ножны
Имя города ляжет в строку —

БАКУ

* * *

Ночь в Красноводске — звездный свод
И скверик в зелени сиротской,
Где праздник свой отметит флот —
Ночь в Красноводске.

Печалью вечной веет с гор,
А ты был ласковый, беспечный.
Не замечал моей в упор
Печали вечной.

Мы ели дыню — сладкий плод —
Из орошаемой пустыни...
У райских, запертых ворот
Мы ели дыню.

Ладьей Харона в царство тьмы,
И нет обратного парома...
Спасая жизнь, бежали мы
Ладьи Харона.

ФЕРГАНА

Багча шамал — в саду ветров
Не сад — персидские эмали.
Закатом золотятся дали.
И мы — среди земных богов —
В багча шамале.

В тени Бабура — мушаира,
Поэты ждут второго тура,
Стихи б звучали до утра,
Но кто-то подал знак — пора
В тени Бабура.

Во тьме кромешной мчались мы —
При свете молний бег поспешный,
В машине, с песнею потешной.
И смех — как грех среди чумы
Во тьме кромешной...

* * *

... И новых людей из невиданных мест
Узнали, хлеб-соли отведав.
Неделя — сплошной сумасшедший отъезд,
Прости, что я первая еду.

Обыденность — вот испытанье любви,
Она не грозит нам — я рада,
С рожденья бацилла метанья в крови
Кочевницы из Ашхабада.

А может, пора возвращаться туда —
К истокам, где время неспешно
Струится, как в тихом арыке вода,
Не здесь — в суете безутешной.

Но там сотрясается все до глубин
Во время землетрясения...
И всюду — разлуки, и выход один:
Надежда и долготерпенье.

* * *

Вдоль кладбища мой предвечерний путь,
Окраины, пустыри...
Скорей бы уже за порог шагнуть,
Не снаружи быть, а внутри.

Мертвое озеро за стеклом,
Старик, пасущий овцу,
Граница меж городом и селом,
Здесь близится день к концу.

И каждый вечер прощальный дар
Заворожит мой взор:
Медленно катится огненный шар
В округлый провал меж гор.

В озере мертвом блестит вода
Тяжелая словно ртуть...
Можно остаться тут навсегда,
Закаменеть, уснуть.

А ты, мой прежний, любимый, где?
Сердце — засохший ком.
Близко совсем, по Шариф-Заде
Всего десять минут пешком.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-дю-БУА

Два выпуклых стекла, скрепляющая дужка,
Две линзы на могиле. Слабый свет.
И траурницы вяло, друг за дружкой
Порхали, шелестя какой-то бред.

Две бархатные бабочки, с одышкой
Взлетали тяжело среди имен.
Известных на Руси не понаслышке
Героев, гениев и дам былых времен.

И бунинское легкое дыхание,
И тихий шепот: «Вечером у Клер?»
А сталкер лег в магическом молчанье
И образы следил из дальних сфер.

Казалось, так легко поддаться силе,
Которая остаться тут влекла,
Что я очки забыла на могиле,
Но все-таки вернулась — и нашла.

ПАРИЖ

Мне чудно помнятся глубокие вокзалы
И дом среди кустов сплетающихся роз,
Усталый Нотр-Дам, где музыка звучала
И трогала до слез.

И Луврские запутанные залы:
Направо — Гро, налево — Грез,
И острые углы Латинского квартала;
Совпало все — не в царстве грез.

Вся прожитая жизнь, и эти две недели,
Когда Больших бульваров камни пели
Мне голосом простуженным Пиаф,
И тени те просвечивали еле
Сквозь эти вот, летящие без цели,
Пылинки счастья — воздуха состав.

* * *

В Хлебниково, где хлеба ни корочки,
Хоть полочки все обшарь,
Но тянется нить к иголочке,
А на дворе — январь.

Колодец стоит на улочке,
Да некому лед сколоть....
Искала себе притулочка
И льнула ко плоти плоть.

Вот она правда голая:
Соблазн, любопытство, блуд?
А души — они бесполые,
Им уготован суд.

Под утро, к рассвету квелому
(Видение, бред, сон?)
Шествие невеселое
Заполонило склон.

Пресытась при жизни гонкою,
Тени покорно ждут —
А горы живой воронкою
Скручиваются в жгут...

Верую в мир как целое —
Прозрение, радость, боль!
В Хлебниково все тропки белые,
Нет хлеба — в избытке соль.

ПОЕЗДКА В УЗКОЕ

Здесь поворот — и видишь сразу:
Стоит кирпичной кладки арка,
Через нее шагнешь — и в парке,
Покой душе, отрада глазу...

Как праздник, краток день январский
И город окна зажигает,
Кольцом костров орды татарской
Москва над Узким нависает

С ее часовней православной...
И нет спасенья от прогресса:
Заутро грянет бой неравный
На полосе последней леса.

Пусть так. Но тьмой укрыты стены,
Дай Бог — и станет слышно слово:
О вечном, женственном, нетленном
Напомнит призрак Соловьева.

Грешно спасаться в одиночку...
Когда исполнятся все сроки —
Дай Бог, одну припомнить строчку
И не споткнуться на пороге.

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

* * *

Стремление все увязать воедино —
Четыре портрета, четыре картины,
Четыре лица одного человека:
Крест-накрест, на каждую сторону света.

Вот некто в усах и с разбойничьей рожей,
На давнего недруга-друга похожий,
Портрет подрядился писать на морозе,
На стул усадив в неестественной позе.

На Невском — зачем согласилась я сдуру?
И тут же, узрев дармовую натуру,
Художников стая — стервятники духа —
Клюют мою душу как хлеба краюху.

Их взоры остры, а повадки их птичьи...
И вот предо мною четыре обличья:
Где первый мой облик — житейская тетка,
Немного вульгарна, почти что красotka.

Второй неспроста вдохновился беретом —
Увидел меня романтичным поэтом.
А третий — в три четверти, вполоборота,
Изящно, небрежно, богемное что-то.

Четвертый... Я знала — от женского взгляда
Напрасно поблажки мне ждать и пощады:
Она покрывала бумагу штрихами,
Она упивалась моими грехами!

Дай Боже, минуют несчастий пучины,
Не скоро проступят все эти морщины...
Смиранный набросок с непрожитых лет —
Дороже, чем прочие, этот портрет.

Что общее в обликах кроме берета?
Четыре дороги, четыре ответа,
Как надпись на камне: «направо пойдешь...»
И в каждом есть истины доля — и ложь.

РУДИН

Русские лишние люди —
Это не барская блажь:
Нет, не Онегин, а Рудин —
Вот удивительно наш.

Нет, не Печорин, но Рудин —
Бедности горькой в когтях,
Ибо бюджет его скуден,
Часто обедал в гостях.

Нет, не Обломов, а Рудин —
Идеалист, книгочей —
речь произносит, и чуден
Взор его в блеске свечей!

Благоухает жасмином
Южная русская ночь.
Поздно. Опять по равнинам
Мчится в кибитке он прочь.

В той мировой круговерти
Спутались судьбы идей...
Рудин. Полшага до смерти
Множества лишних людей.

Нет, не погиб он в Париже,
И, если верить молве,
С красным полотнищем вышел
К Белому дому в Москве.

Выстрел тяжелых орудий —
И, как рассеялся дым,
Знамя поникло — и Рудин
Тихо скончался под ним.

ЭКЗАМЕН ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Летней Одессой, в трамвайном вагоне —
Дочке одиннадцать лет:
Но Николай не женился на Соне?
Трудный мне выпал билет.

Если в «Войне» есть аспект исторический —
В «Мире» бал правит любовь!
Где справедливость? — вопрос риторический,
Но попадает не в бровь.

Глаз этих детских листочки зеленые
Требуют точный ответ.
Вот и раскаты грозы отдаленные,
Сполохи — резкий их свет.

В сердце ребенка — открытая рана,
Ветер свечу не задул.
Рыбка дорвалась до океана,
Мечется между акул.

Лев Николаевич, сон как агония,
Дочь — ускользящий след...
Ну поженил бы Николеньку с Сонею —
Сколько бы не было бед!

* * *

Два взмаха кисточки и щетки —
Из дома, легкою походкой
Она выходит — за спиной
Взметнутся волосы волной.

И точным жестом —
Машина трогается с места,
И запах «Сальватор Дали»
Миг — и рассеется в пыли...

И город-спрут ее до теми,
Терзая щупальцами всеми,
До капли выжав жизни сок,
Швырнет под вечер на порог.

А мне наказ — молись усердно,
Пока судьба жестокосердна...
Богооставленность свою
Никак в слезах не изолью.

* * *

М.С.

1

Словечко забытое бросили Вы — прошвырнёмся,
И вот мы из дома ушли и назад не вернёмся.
Где шильдочка — «Шлях Старовилеский»
медленно бродим,
Вплотную почти, но друг друга никак не находим...

Все прежние наши любви проснулись с весной
Незримой преградой текут между вами и мною

* * *

2

И вдруг поверить до конца
Посмела — истово, рисково:
(И сердце к радости готово!)
Не в обещание, не в слово,
А в выражение лица.

В тревожном возгласе «Алло!»
Есть просьба отклика, ответа,
Пока провалится монета...
Потоком хлынувшего света
Как половодьем понесло.

Теперь могу сказать — жила!
Хоть и на праздник опоздала.
Дары пригоршнями черпала,
Но лета выдалось так мало —
Ни крошки впрок не запасла.

И тень ползёт от вечной тьмы,
И холод в сердце ищет щели...
Ты помнишь легкий снег в апреле?
Кто был счастливее, чем мы!

* * *

3

Полоцк, поцелуй в висок, София —
Грозное Чернобыльское лето,
Земли эти древние, святые —
Как связать, как выразить всё это?

Заслужила толику покоя
Ефросинья долгою дорогой —
На холме высоком, над рекою
Неизбывна тайная тревога.

Чудное явление Скорины,
Сквер тенист и прихотливы зданья...
Год с немногим до твоей кончины —
Ночью беспричинные рыданья.

Не спасёт премудрая София —
Неутешный плач — не быть нам вместе!
Чьи предупреждения скупые —
Роковые будущего вести?

* * *

4

Стряхнув осенних листьев бредни
Судьба свернулась эпизодом...
Не вспоминай тот день последний,
Лицо в слезах перед уходом.

Мой свете ясный! До разрыва
Была придирчивой и вздорной,
Но не забудь и той, счастливой,
Весной, на улице просторной

Тень от весла скользит по глади
Насквозь пронизанная светом...
Запомни в том зеленом платье.
Что так мне шло минувшим летом.

Куст можжевельный у дачи
Заледенел в оцепенении...
Ты был, ты есть — о чём же плачу?
Зимой целительно забвеньё.

* * *

Т.В. Залесской

Она присела на диван,
Склонясь над грудой лоскутков,
И жизни прожитый роман
По ним читала, как по строчкам.

Вот примечательный узор:
Сам синий, поле голубое...
Немой ведется разговор
С осуществившейся судьбою.

Смущает глаз зеленый цвет —
Когда он был любимцем моды?
Так собираются в сюжет
Разрозненные эпизоды.

Мировоззренческий вопрос — ты в чем?
Материя первична.
О, сколько радости и слез
Нашла она в узле тряпичном!

* * *

М.А. Артус

До петельки последней, до обрыва,
Исполненная жизни и борьбы...
О, как же ты хотела быть счастливой!
Но все снесла немилости судьбы.

Как без тебя здесь холодно и сир...
Но доброта не ведает конца!
О ты, приготавливающая миро,
Скрепляющая щедростью сердца.

* * *

По вечерам я прячусь в ванной,
Одежды тесные снимая,
Жизнь представляется мне странной —
Я многого не понимаю.

Утихли прежние порывы,
Погас маяк, не видно цели.
Душа как море в час отлива
Свои зализывает мели.

И в досягаемости шага
Не отыщу янтарь среди ила...
Прими в себя, праматерь-влага,
Верни уверенность и силу.

Труба с водой доносит пенье —
Мать наверху купает сына.
В углу, за тряпкой, запустенье —
Паук сплетает паутину.

Стыд наготы, кошмары детства,
Течет вода, смывая пену...
Любовь — испытанное средство
Избегнуть собственного плена.

НА КАРТОШКЕ

Вот на сене сижу и пасу облака —
Третий, кажется, курс на картошке,
И слова долетают издалика:
Может, это во сне, понарошку?

Что ты любишь — звучало уже — не меня...
Я сижу на копне неживая,
Но не гаснет сиянье сентябрьского дня:
Где ты, туча моя грозовая?

Чтобы ливень сплошной, оглушительный гром!
...Безразличное облако в сини...
Ураганы и бури — всё будет потом.
Помню облачко это — поныне.

МАРТ

В.Н.

День весенний, сырой и туманный,
Цвета глаз твоих, запаха губ...
День насупленный, сумрачный, странный.
Нарастающий медленный гул.

Всё напор, наступленье, начало,
Как и ты — напряжённой пружин.
Попросил разлюбить — обещала
Будто вовсе и нет, жить...

Только в почках — набухшая горечь,
Ты повсюду — моя ли вина:?
Что тобою заполнен весь город,
Серый день, и туман, и весна.

ВИШНИ

От последних листьев дуба
До цветущих вишен...
Час прощания, мой любимый,
Горек и возвышен.

Как дрожали раньше губы,
Чуть тебя увижу...
С опадавших листьев дуба
До цветущих вишен.

Эти вишни у развалин,
Нежные — на свалке.
А дома — попродавали,
Но домов — не жалко.

Не попробовать нам вместе
Темно-красных ягод,
Возведут — квартир на двести —
Здание здесь — за год.

Так простись с цветущим садом —
Оказался лишним...
Всё равно — упрямо, рядом
Розовеют вишни.

НА РАСПУТЬЕ

НА РАСПУТЬЕ

Постоянно полустанок, ветер серый и бездомный,
На пустой платформе с Таней стынем мы, пожитки
сжав...

Оказалось — на распутье я живу в стране огромной;
Из туманно-желтой мути приближается состав.

Сразу люди набежали, гомон, давка, суматоха,
От корзин, от спин железных тесно, душно, сзади жмут.
То ли в Киев, то ли в Полоцк? Не в Смоленск ли? Видно
плохо...

Постепенно понимаю, что опять не тот маршрут.

Нам сойти... Но остановки нет. В мелькании названий
Поезд катит всё быстрее, отторгает наотрез
Нас оттуда, где в предвечном, грозном, розовом сиянье
Косогор, дымится баня,
Круг луны, застывший лес,
Конь пасётся вороной.
Дом родимый за спиной.

ИЗ РАННЕЙ ЭРОТИКИ

Что это — магия или магнит?
Облик мой твой отпечаток хранит...
В зеркале встречу, отпрянув назад
Чуждый мне наглый и выпуклый взгляд.

Биоконтакт или так, волшебство?
Наэлектризовано всё существо
Неотвратимей, чем к минусу плюс
На поругание тороплюсь.

Точность расчёта, природный ли дар?
Разум тревожит предчувствие чар...
Чую загадку, постигнуть хочу!
Бабочка, притягивающая свечу.

КСЕНИИ

Сжимает сердце тревога —
Неизвестного гостя ждём,
Что медлит сейчас у порога
Перед тем, как войти в этот дом.

Ветер ломает стены,
С улицы тянет стынь...
Выйди на свет из тени,
Одеяло с лица откинь.

Но глубже окно и шире,
Тучи скользят как дым...
Всё повторяется в мире,
Но каждый — неповторим.

Как много веков когда-то
Луна склоняет свой лик...
Матери имя — свято!
Входящий всегда велик.

* * *

Чуть ночь — начинаю вдоль зданий уснувших скитанья,
След тянется к речке замерзшей — на том берегу
Дом первого съезда и первое наше свиданье...
Но лёд под ногами ползёт — перейти не могу.

Мне кажется там, в своём стареньком,
узком пальтишке —
Я в памяти бережно странный фасон берегу —
Навстречу бежит, улыбаясь, безусый мальчишка
Дом первого съезда пылает костром на снегу.

Но вянет огонь, вдалеке разлетаются тени,
Будильник вот-вот тишину просверлит словно дрель.
Ты стонешь во сне тяжело от меня через стену,
На том берегу и за тридевять снежных земель.

В МАШИНЕ

И ты включил магнитофон,
Молчим, а он за нас рыдает,
А за окном осенний сон
С ветвей под музыкой стекает.

Мой бывший муж! Ужель всё зря?
Все те метанья, всплески, слёзы
Летят листы календаря,
Судьба ложится под колёса.

Живую тлеть — таков мой срок,
Увы — неправеден мой ропот...
И рвёт узлы тяжелый рок,
Те, что связал тот первый Сопот.

Но вспомни, вдумайся, услышь
Мотив знобящий песни старой:
«Во чистом поле белый кшиж» —
Поют Чырвоныя гитары.

И слёзы радости во сне,
(Заснуть совсем — моя бы воля!)
Ты возвращаешься ко мне...
О, белый кшиж во чистом поле!

ПИГМАЛИОН

Н.П.

Своды темных коридоров,
 вечно споры возле лестниц
О новаторстве в искусстве
 или вроде что-нибудь...
Там однажды он заметил
 в новом профиле — нелепость,
А во взгляде беззащитность
 и таинственную суть.

Со старинного портрета —
 форма рук, оттенок кожи,
Отпечаталась на сердце —
 и в смятении погиб:
Где-то виденная прежде —
 и она, и не похожа,
И тревожит тонкой шею
 вопросительный изгиб.

Только речь её невнятна
 а движенья слишком вялы,
Только робок, неуверен
 спотыкающийся шаг.
Сока жизни, тока крови,
 просто дерзости в ней мало —
Как она не понимает,
 что задумана не так?

И, закон её постигнув,
 чует он брожение силы,
Лишь влюблённому доступно
 вдохновение творца.
Как на воздух из неволи —
 удивительно красива,—
Вышла — стер он поцелуем все ненужное с лица.

* * *

Тане Андреевой

Я вижу — ты перед полётом,
Одета в радужное что-то,
А жизнь исполнена чудес!
Ещё со мной, но смотришь мимо,
Причастная к недостижимой
Крылатой стае стюардесс...

Всё не опомнюсь от испуга:
Моя любимая подруга:
Свет доброты твоей иссяк...
Пусть — отделённые простором,
Друзья — незримая опора —
Не подпускают к сердцу мрак.

Но в небе падает завеса,
Твое лицо у стюардессы,
Ты охраняешь наш полёт...
Та, что осталась самой близкой,
В моей душе навечно в списки
Тебя включил Аэрофлот.

* * *

И теперь мне поступок тот дивен —
Больно смело я выбрала путь:
Под повальный, невиданный ливень
Без плаща со ступеньки шагнуть.

Примеряли Москву как обновку
(А в глазах — затаённая стынь),
Не спеша обошли Третьяковку,
Сад Нескучный, Донской монастырь.

Чтоб острее почувствовать корни,
Побродили босыми меж плит:
Что травую засеяно сорной —
Всё равно не забылось, болит.

А земля эта близкая, злая
Не щадила — колола и жгла.
А любовь ли была — я не знаю,
Но полнее потом не жила.

Но с тобой — необузданным, вольным —
Я вдохнула российскую ширь:
Где-то Разин гуляет по Волге,
Ермака покоряет Сибирь.

* * *

Пусть в почки сложены листья,
Под скорлупой прижаты крылья,
Но для рожденья красоты
Осталось сделать сверх усилие.

И наступает ночь забот,
Гроза, и гром грохочет где-то,
И переходит ливень вброд
Границу между тьмой и светом.

И сон навалится как груз.
На дно реки сознание тянет,
Лишь на мгновение проснусь
Когда тревожно вскрикнет Таня...

С утра прохожие бледны,
Но чистый свет на встречных лицах:
Ликут листья, зелены —
Мы все как доноры весны
Им помогли довоплотиться!

* * *

Вокруг Бульварного кольца
Проходим молча напоследок.
Начатки листьев как пыльца
Позолотили пальцы веток

Образовав овальный свод
Для торжества в природном храме;
Мы тянем шеи ввысь — над нами
По мановенью — чирк! — вот-вот
Зелёное заплещет пламя.

Но медлит что-то. У Творца
Наверно, спички отсырели...
И тополя, и запах прели
Вокруг Бульварного кольца.

* * *

У остановки — свет фонарный,
Он не живой, не свет в окошке,
Но лица встречных благодарно
К нему слетелись словно мошки.

Глаза от голода блестящи,
Но дочка ждёт нехитрый ужин.
И всё спасенье — в настоящем,
Когда ты здесь кому-то нужен.

* * *

Пора открыть и вымыть окна,
Опять весна летит, трубя.
И опрокидывая догмы:
Я погибая без тебя!

Тогда встречал Бакинский ветер
В Бине, накидки тебе,
Ты подошёл, был вечер светел –
Я погибаю без тебя!

Обид не помню прошлогодних,
Но и отринув, разлюбя,
Здесь, в Белоруссии, сегодня
Я погибаю без тебя...

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Над Сербией смилуйся ты, Боже —
Заедают янки-псы из НАТО,
И в гробах железных — самолётах
Над живыми — мертвые летают.

Разрушают города и храмы,
Отравляют землю, воду, воздух,
А вину за эту катастрофу
Внаглую на жертву возлагают.

И молчат славянские народы,
Думают — сия минует чаша...
Над Сербией смилуйся ты, Боже!
Просвети, очисти души наши.

* * *

Я несколькими жизнями живу,
От столкновений берегу случайных,
Где две лишь протекают наяву,
А третья до поры пребудет тайной.

Вот блочный дом – таких полно повсюду:
Поп-музыка звучит, гремит посуда,
И пересуды ловит тишина.
Вот дом другой – застывший среди сада:
В колодцах окон темная прохлада,
А третий видит полная луна.

Три жизни, словно реки, неслиянны.
Журчат попеременно, постоянно.
А надо выбрать главную, одну.
Как угадать, что неподвластно тлену?
И обернётся верностью – измена:
Я искупила давнюю вину.

ПУТНИК

ПУТНИК

О, путник, света прозревающий!
— Мелькнул, (мерещится ?) исчез.
Моя душа как лес пылающий —
Ты — заповедный этот лес.

О, путник, истины алкающий!
Поверх залива талый лед,
И воду с льдинками глотающий
Дрожит, его ознобом бьет.

Один глоток неутраивающий —
Усмешка свыше, поздний дар,
Мгновенный, но испепеляющий
Рассветный мартовский пожар.

О ты, скитанья оставляющий —
Чтоб посох после в землю врос!
Лес догоревший, догорающий...
Остались угли, пепел роз.

* * *

Не сон, видение, кадр-стоп:
Стоит отец и землекоп,
Все как на снимке — сад и лето,
И папа знает где копать...
Береза высветлила прядь,
Он объясняет — звука нету.

Но землекоп вдруг вперил зрак
В меня — и воцарился мрак.
Всю ночь я помнила то место,
А утром — здравствуй, мотылек!
Загримирован под цветок
Оранжевый свидетель вести.

Поведать он хотел — о чем?
Но глух валун, поросший мхом....
И не слышанная вновь,
Как и тогда, при этой жизни,
Психея, бабочка, любовь
Трепещет нервно в уккоризне...

* * *

Тысячелетнее лето почти отошло,
Август закатный, и свет непогасный, прощальный...
За угасающим солнцем следить сквозь стекло —
Мне порученье, но смысл ускользает глобальный.

Слово «Помедли!», сорваться готовое с губ,
Не прозвучало, и поводов было немного —
Так, от начала до самых архангельских труб
Верх любопытство одержит и гонит дорога.

От электрички — шоссе и налево забор,
Этой дорогой меж сосен — привычный сценарий,
Каждую осень — повылезут звери из нол;
Множество смыслов являет лесной бестиарий.

Смотрят в упор — не встречайся глазами, бегом,
Этой дорогой, итоговой и многолетней,
Вот деревянный, старинный, родительский дом:
Дверь приоткрылась и луч преломился последний.

ПОЕЗДКА В РЯЗАНЬ

Успела! Господи — жива!
Не шутка — девяносто два,
Не оживляют пальцы спицы,
Уже, узнав меня едва,
Она сидит, не шевелится.

Как будто слова ждёт «пора...»
Почти не кожа, а кора,
Но взгляд особенно прозрачен,
Но проникает до нутра —
Что за удел мне предназначен?

Ей суть прожитого ясна,
Всё можно упростить до факта:
А сколько деток — дочь? Одна?
И губы в нитку — что ж ты так та?

И много раз её вопрос
Повторит в тесной кухне эхо...
А скул бугры, глаза враскос
У нас от прадеда, Салеха.

Века жужжит веретено.
Река достигла океана.
Всё тоньше нить живая — но
Да будет имя осияно —
Анна!

* * *

— И неожиданно заиграли Грига,
Люстру зажгли, зазвенел хрусталь,
И душа моя — тяжелая, запыленная книга —
Приоткрылась и обозначилась даль.

Притягательней песни о вечном скитальце
Я не слышал, но видел — вдали огни,
И нерешительные снежные пальцы
Перелистывают облетевшие дни.

Завели меня в зал, снегом одетый, —
Пол скользил и сверкал потолок,
И вдруг, словно выстрелом из пистолета,
Моей нищей мысли был дан толчок.

Я обрел дар речи, и как заклинанье
Произнес: я любил вас, я вас любил...
И тут душу мою, коченеющую в молчанье,
Снег светом чистым своим осветил.

* * *

— Свет непогасный, небо как веер,
Веет прохладой, сумрак лилов,
Стрелкой магнитной — строго на север —
Тихо скользит наш «Зосима Шашков»»

Лес вдоль канала — мертвая стража,
ненависть гибнущих — твердый гранит,
Кровью окрашены воды — и даже
Кажется — это скольжение в Аид.

Преображение боли бездонной
И красоты обжигающий след...
Нежно-шафранный и блекло-лимонный
Этот печальный, торжественный свет.

* * *

Это не усталость, это зрелость:
Отступают страсти, зависть, злость,
Прозвучало то, чего хотелось,
Более ли менее сбылось.

Главное — стал мир почти прозрачен
И как ласка близко благодать...
Лишь того, кто был мне предназначен,
До сих пор никак не отгадать.

* * *

Этот мост через речку в тумане — бегом по мосточку!
Только досточки-косточки хрустнут, и рухнут, и точка.
А вода холодна, зелена, и густа, и глубоко...
Но сюда никого не приводит дорога до срока.

А на том берегу — только конь,
только стог под навесом,
И в окошке огонь — но далеко-далеко, за лесом.
Кто коня выгоняет в ночное — увидишь однажды.
Возле самой воды утолить не позволено жажды.

Это место — знакомое будто — нарочно забыто.
Губы памяти ниткой суровой прочно зашиты.
Скрылись лебеди-гуси —
гонцы сквозь просвет на закате
До поры. На счастливой рубахе — заплатка к заплате.

Ни парома ни лодки —
лишь мост этот, ветхий, непрочный.
И туман над рекой поднимается плотный, молочный...

ДЕНЬ В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ

Галине Гореловой

Осень! Твое убранство
В золоте и крови...
Резкий разрыв пространства,
Остров былой любви.

Как и тогда, вначале:
Парк, парадиз, сад,
Клочья былых печалей
Скрюченные, шуршат.

Музыки отзвук дальний,
Теплой тоски глоток,
Прежде чем ветер шквальный
Сорвет последний листок.

* * *

Но было что-то с давних пор,
(Нет, точно было, не казалось!)
Та не уловленная малость,
Что ускользала и терялась,
Ей и названья нет, так, вздор.

Но без нее все просто сор,
Успехи вызывали жалость,
Чуть-чуть, а планка все сбивалась,
И высота не достигалась,
Обрывки не сплелись в узор.

Пусть время все крадет как вор,
И с каждым днем сильней усталость,
Одна надежда мне осталась:
Что впереди еще та малость
Блеснет, согрев последний взор.

ПОСЛЕ МИНСКА

* * *

А. Ипольнову

Октябрьский, солнечный — он длится
Твой день — и замер листопад...
Как золотой запас столицы
Хранит листву Петровский сад.

Надеюсь, верую — не брошу,
С любовью, много лет назад
Тобой доверенную ношу —
Груз неподъёмный, тайный клад.

В НОЧНОМ САДУ

Ты вышел ночью в сад. Тепло.
Зажглись на небе звёзды-свечи,
И время нежно потекло
Назад, к недавней нашей встрече.

В пуловере лишь, налегке
Ты мысленно в Москве морозной...
Бокал с вином качнул в руке —
В нём отразился ответ звездный.

Ночное небо — дивный фон,
Взор устремляется к Венере...
Но здесь — завешен небосклон,
И лишь мобильный телефон
Спасает нас в какой-то мере.

Когда, минуя дальность стран,
И, звездному причастный блеску,
Вдруг вспыхнет зеленью экран —
Ты посылаешь мне SMS-ку.

ПРОЩАНИЕ С ЛОДЗЬЮ

Ю. Тувиму

Я ехала домой, за окнами пейзаж
Светился позолотой тусклой,
И медленно плыл поезд наш
К границе польско-белорусской.

Оставив город Лодзь, где, издавна любим,
Озябшим щеголем на лавочке сидящим
Средь шумной улицы обронзовел Тувим,
Связав минувшее с днём настоящим.

Как эта осень ясная, тиха,
Душа поэта в рифмах пребывает,
Но в миг произнесения стиха
Крылами бьёт и ввысь взмывает.

НА СТАРОМ ФИЗФАКЕ

Однокурсникам

Здесь ожидали перемены
Пять с половиной лет подряд,
Теперь готовы эти стены
Принять последний наш парад.

Тяни, отличник, выше руку!
Бери билет, ответ готовь.
Здесь постигали мы науку,
Здесь настигала нас любовь.

Нас странные связали узы,
Незримо тает общий след...
Мы из Советского Союза.
Его на картах больше нет.

Час пробил ценностей нетленных,
Вершится то, что суждено...
Мы, дети страшных дней военных,
Уходим медленно на дно.

ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ

Мой волчонок приручённый,
Так не в шутку увлечённый,
Почему не по весне
Так легко достался мне?

— Золотой листвы убранство
Не сулит нам постоянства,
Щедрым пиршеством для глаз
Кормит радостью сейчас.

БУРГАС, ПРИМОРСКО

Миг, единства с миром полный,
Россыпь звёзд и ветер влажный...
А лица его — не помню,
Впрочем, это и не важно.

Что же всё-таки случилось
На земле горячей, древней?
Снизошла любовь как милость,
Всё окрасил свет волшебный,

И шептались по-болгарски
Над бунгало листья дуба...
Только ночь — подарок царский,
Чтобы сразу вырвать грубо.

Вечер, ночь, а утром рано
Подкатил чужой автобус
И навек разлуки рана,
Накренился набок глобус...

В самом центре мирозданья
Четырёх начал природы
Лишь короткое касанье,
А энергии — на годы.

* * *

Хоть страсти, что горят в крови
Пустой затем отхлынут пеной...
Но даже капелька любви
Смолой густеет драгоценной.

* * *

Москва! Как много в этом звуке
Надежды, шаткости и муки,
Как удержаться на плаву?
За край воронки уцепиться...
Здесь всех племен мелькают лица,
Здесь — среди прочих — я живу.

Народ окреп от смеха, плача,
Спешит схватить за хвост удачу,
Природную отринув лень.
Но пролетает птица мимо...
Всё это было бы терпимо,
Но страшная густеет тень.

Здесь рядом шастают шахидки,
Плеснёт огнём из-под накидки
И свет для смертного погас.
Что делать — жизнь вполне опасна,
Но не напрасно, не напрасно
В сей грешный мир призвали нас.

Итог любой судьбы печален,
Неотменяем, изначален,
И не дано свой ведать срок.
Одно — живи не лицемерно,
Стезю свою наметил верно:
Терпи — но выполни урок.

* * *

Чужая страна — как мельницы трансвеститы
Стоят пропеллеры в чистом поле,

Они ловят ветер, на добычу которого
Пока не наложено ограничений.

Чужая страна изрезана автобанами
Но машины вытесняются велосипедами.

Разумны и бережливы граждане-жители.
Ухожены и огорожены домики-садики.

Чужая страна — но березы и сосны
Почти родные, как в Белоруссии.

На смену враждебности и предубеждению
Взошли симпатия и понимание.

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Петровский парк — летят под ветром листья,
Но не один не взмлет ввысь. Назад.
Листы по-белорусски — это письма
Потерянные — выбыл адресат.

Я жду давно письма из Белоруси,
Но сомкнут рот покинутой земли...
Летят на юг там песенные гуси.
Хотя какие гуси — журавли!

Но оттуда густо веет смутой
И бедой — друзья разобщены...
Не согреет душу плат лоскутный
Неделимой некогда страны.

Пусть клёны на Антоновской алеют
Сегодня лишь во сне, не наяву...
Петровско-Разумовская аллея
Ведёт туда, где я теперь живу.

ГАЛЯ

Темноволосая, шагом скользящим
Не обернётся — спешит впереди...
Прошрое как разместить в настоящем?
Осень. Москва у фасада МАДИ.

Камушек — Галька и ветка — Галинка
Мимо мелькнула и скрылась в метро...
В груди песка — золотая крупинка,
Лёгкая словно Жар-птицы перо.

.....

Что-то воздуха мне не хватает —
Засмеяться, заплакать, запеть!
Только листья тревожно взлетают
Перед тем как смириться, истлеть...

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

Когда Америка померкла —
До отключения, до взрыва,
Когда Америка померкла
Как ноты старого мотива.

От этой музыки знобило,
Она в душе звучала годы,
Нас эта музыка манила
Туда, где жили антиподы...

Всё тот же миф о райском саде...
Вдруг оказалось — всё возможно
Проникнуть через щель в ограде,
Где Петр с ключами у таможни.

Теперь Америка — Мессия:
Четвёртый Рим по счету вроде;
Теперь она, а не Россия
О мировом скорбит народе...

А нам — увы! — с кривой улыбкой
Вникать в пустые эти речи,
Все упования, все ошибки
Взвалив на собственные плечи.

Когда Америка померкла...

БОЛИТ МНЕ РОССИЯ

Ласковы моря объятья,
Берег слоистый из скал...
«Что ж вы нас бросили, братья?»
Панко негромко сказал.

Были когда-то мы в силе,
Панко, мой названный брат,
Как под гипнозом лишили
Нас и заслуг, и наград,

Чести, достоинства, славы...
Новый порядок, виват!
Коли богатый — то правый,
Бедный всегда виноват.

Если нет золота — плата
Кровь наших юных сынов.
Русь, ты и впрямь виновата
Сменой не вех, но основ.

Впрочем, к чему эти споры?
Светлый мерещится блик:
Духа славянства опора —
Речи пречистый родник.

КОШКА СЕРАЯ В ПОЛОСКУ

На стене, овитой диким виноградом,
Освященной предзакатным солнцем
Серенькая кошечка в полоску
Нежится в лучах его неярких.

Кошечка ничья, себе хозяйка,
Потому пуглива, осторожна,
На людей с опаскою взирает,
Подманить себя едой не позволяет.

Почему так душу надрывает
Красота последних дней погожих?
Почему на сердце так тревожно
В яркие сентябрьские закаты?

Кошечка, вот-вот подует ветер
Ледяной, с ним горести-печали...
Скоро, скоро грянет зимний холод —
Поищи убежище в подвале.

Мудро ли предчувствовать утраты,
Или игнорировать приметы?
Кошечка, души моей отрада,
Доживём ли мы с тобой до лета?

КОНЕЦ ЛЕТА

Оплошность, умысел, ошибка?
С кривой приклеенной улыбкой
Я у любимого в гостях
Как рыба снулая в сетях.

Они вот-вот сомкнутся туго —
Мы избегаем глаз друг друга;
Одно хочу понять — зачем
Ты пригласил меня — в гарем?

Ну, просто сцена из ремейка —
Газон и флоксы, сад, скамейка,
Хлебаю горький чай до дна...
Гостеприимная жена

Заставит скатерть сдобным тестом,
Приятны дочери-невесты,
Привет им всем! Гуд бай, май лав!
И восвояси, прочь, стремглав...

Как наркотическая ломка —
Обрыв в сети, обрез по кромке.
Лишь прежних мейлов нежный вздор,
Лишь звёзд сочувственный укор.

* * *

Красавицы послевоенных лет,
Их вуалетки, шляпки, платья...
Их притяжения секрет
Здесь попытаюсь разгадать я .

Как луч прожектора, глаза
Впитали токи глаз погасших!
Отказывали тормоза
У сильных, пол-Европы спасших

Солдат вернувшихся — но вдруг
Капитуляция без боя —
И вот, попавший под каблук,
Идёт счастливец под конвоем.

Те крепдешины и шелка
Так облипали их фигуры,
Не в кольцах узкая рука,
А в крепких пальцах с маникюром.

На солнце-клёше тех материй
Цветы приманчиво цвели...
Четыре года — сплошь потери
Родной, истерзанной земли.

Красавицы послевоенных лет,
Их непогасное сиянье...
Тех звёзд далёких слабый свет
Доносится сквозь мирозданье.

ВПЕРВЫЕ В РИМЕ

Мне, родившейся в Ашхабаде,
В саменьком сорок втором году,
Выжившей только молитвою мамы,
Думалось ли, что в Рим попаду?

Где наяву, по временной вертикали,
Словно на притолоке дверной,
Разные возрасты мира предстали
Одновременно — пред изумлённою мной.

Отблески рая сквозь дымность ада —
Вечный город, что вновь в пути,
Мне, из военного Ашхабада
Жизнь доверила обрести.

РИМ ЯЗЫЧЕСКИЙ

Римские сумерки — вечер прощания,
Что потеряла я тут?
Форум застывший, и в час одичания
Влажные тени ползут.

Камни, привыкшие тешиться славой,
В ночь просыпаются тут,
Их испаренья сырою отравой
Пьют чью-то тёплую кровь.

Только любовь... эти клещи зловещие.
Не отодрать с наших ног...
Воспоминаний прообразы вещи
Поздний разгонит звонок.

МОНТЕ КАРЛО

Множество карточных домиков,
Скреплённых слюной беспечности.
Гигант на закорках гномика
В волнах Средиземной вечности.

Чем держатся эти башенки?
Эфемерность — лишь маска прочности.
Забавно, прекрасно, страшненько
Среди цветущей порочности.

Здесь, в казино Всевышнего,
Выиграв без хотения,
В необходимости лишнего
Чем побороть сомнения?

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

Тут край блаженного успенья —
И даже треск мотоциклиный
Лишь звук надежды, утешенья
За путь мучительный и длинный,

Земной. Не надо оправданий:
Тот, Кому должно — судит строго,
В край не отложенных свиданий,
Куда ведёт одна дорога.

Мне это выпало в рулетку —
И вряд ли в том моя заслуга...
Такое в жизни крайне редко —
Прими же радость без испуга.

ПРОЛЕТАЯ НАД АЛЬПАМИ

Между землёю и самолётом
Слой облаков,
Горных хребтов динозавры, и светится
Горсть огоньков.

Год наступил, но ещё неуверен
Рады ли мы?
Из Барселоны, вечного лета —
В царство зимы.

Сел самолёт, но пропеллеры крутятся,
Тяжко дыша.
Мы приземлились, но птицею кружится
В небе душа.

ОТТЕНКИ ОСЕНИ

Каждый день меняет краски, даже
Гардеробы осени полны,
Золотое с жёлтым — в распродажу
Улетает тут же в полцены.

А затем — прекрасная прозрачность,
Продаёт обносками — на вес,
И кляня постыдную невзрачность,
Лист последний сбрасывает лес.

Седины стыдясь отнюдь не ранней,
И морщин запудривая грех,
Тютчевской стыдливостью страданья
Опасаясь вызвать только смех.

ТЕРРИОКИ

Майскими короткими ночами —
Терриоки, в темноте залив,
Пять годков неполных — за плечами,
Смех счастливый ближе, чем прилив.

Вот в кустах призывно зашуршало,
И мелькнула рыбиной рука...
Лодкой-поскодонкой у причала
Жизнь моя привязана пока.

ПОСВЯЩЕНИЕ

О, маленькая Зузанна!
Как жаль, что твоё «так рано»
Совпало с моим «так поздно»,
И это, увы, серьёзно.

ЗВОНОК В ОКТЯБРЕ

Одолеет ли дух темную полосу?
Тяготееет слух твоему голосу —

В сумерках листья сияют ярко
Когда возвращаюсь Петровским парком.

Похищает осень кусочки света,
Возвращает голос Нарочанское лето.

Шелестели и наши Сады Лицея,
Опустели, но в памяти панацея:

Физики-лирики, лодки скользящие...
Прошлое — пройдено, есть настоящее:

Горечь и нежность прежних утрат,
Голос — густой, золотой листопад.

ВЛАДИМИР НЕКЛЯЕВ

ПРОГУЛКИ С РЕДКИМИ ПРОХОЖИМИ

Если и трудно где-то вне России писать, чувствовать, жить-быть на русском языке, так это не в Хельсинки или в Варшаве, Ташкенте или в Баку, а в Минске. Здесь все думают, будто говорят по-русски и — как следствие — будто по-русски пишут.

Есть дальность близких языков, как дальность близких людей: чем ближе — тем дальше. Близкие люди об этой дальности не говорят, или стараются не говорить, притворяясь, будто её нет. И мучаются дальностью, полагая, что мучаются друг другом.

Обрести в себе русскую речь, русский способ мышления, вообще русскость в Минске невозможно. Не удаётся даже сохранить обретённое, истощаемое в мучительной дальности, похожей на близость. Именно поэтому, родившись и обретя русскость в Ташкенте, совершенно русская, даже пронзительно русская в своих первых публикациях Светлана Евсеева (вспомните, кто помнит, её книгу «Женщина под яблоней»), окончив Литинститут и переехав из Москвы в Минск, довольно скоро стала не столько русским, сколько белорусским поэтом, пишущем на русском языке.

Это не хорошо и не плохо, это такая участь. Но не обязательно судьба...

Любовь Турбина предприняла попытку двинуться обратным путём и, перебравшись из Минска в Москву, привела судьбу бродить по скорее литературным, нежели реальным, арбатским переулкам, а участь её рас-
терянно осталась где-то в уголке Купаловского скверика над Свислочью в Минске.

«Оставила дом свой — и сразу Там с крыши посы-
пались вазы».

Мне знаком этот дом, и я помню эти псевдокласси-
ческие, действительно осыпающиеся вазы — и вверх от
реки Свислочь кинотеатр «Пионер», со ступеней кото-
рого читались крамольные, или вроде бы крамольные,
стихи, занимавшие, впрочем, совсем редких (потому
что рядом находилось здание партийного ЦК) прохожих
да несколько внимательных товарищей в штатском. И
стихи взмывали ввысь и тут же таяли, чуть колебля воз-
дух Минска образца и состава 60-70-х годов минувшего
столетия. Однако даже этих слабых колебаний хватило
для того, чтобы, родившаяся в семье ученого-генетика и
попытавшаяся продолжить дело отца, Любовь Турбина
— вопреки делу — стала поэтом.

«Этот мост через речку в тумане — бегом по мос-
точку! Только досточки-косточки хрустнут, и рухнут, и
точка».

«Рыбка дорвалась до океана, Мечется между
акул».

Помню, как медленно и спокойно, словно почти
неподвижная вода в Свислочи, текла в Минске жизнь
застойных времен, но были в ней и подводные течения,
и подземное движение. Духовный наставник, гуру мин-
ского андерграунда Ким Хадеев (перед которым и я, и

многие в долгу) занимал пустынную — с нарами — комнату в двухэтажном бараке неподалёку от той же Свислочи, и когда однажды, набрав трёхсемёрочного портвейна, я зашел к нему, то с немалым удивлением обнаружил в компании богемно-восторженных хадеевских вольнослушателей сосредоточенно-сдержанную Любовь Турбину. Гуру же, восседая на нарах, размышлял в тот раз, кажется, о том, способен ли андерграунд создать трещины в фундаменте советского социума — и в барачном коридоре пахло жареной картошкой, огурцами и революцией...

Почему я об этом вспоминаю?.. Потому что книга Турбиной полна воспоминаний — в том числе будто бы лично моих.

Возможно, поэзия — и есть воспоминанья.

«Сны-города... Просыпаюсь, остыну от плача. Все как тогда, иногда, понемногу — иначе. Там, за кирпичной стеной, поворот и калитка: Справа налево завит переулок улиткой, Диким плющом затянуло балкон наш и хмелем, В юности очень давно, наизусть, еле-еле, Робко по клавишам, пальцы сбивались со счёта Каменных лестниц ступени, перила, пролёты, Двери беззвучны и зеркало тускло в прихожей... Сны-города, но всё уже дорога туда и всё реже прохожий».

Для воспоминаний, как и для стихов, естественна непредсказуемость, незакономерность... Вдруг на какой-то странице — посвящение редкому прохожему «М.С.», а затем и переводы стихов Михася Стрельцова: «Сопряги начало и конец, закрепи рассыпанные звенья...» — и стругом из тумана выплывает бывший охотничий дом в лесу, названный почему-то Домом творче-

ства, и тающая улыбка на губах Стрельцова, когда о поэзии разглагольствуют как о профессии, предназначении, занятии важном и серьёзном.

Стрельцов — прохожий редкий, но не случайный, он — ускользающее, уже ускользнувшее чудо: поэт с внутренней чистотой и ясностью которого мало кто соизмерим. В нынешней белорусской поэзии, скорее всего, никто. К одному ему, пожалуй, и можно обратиться так, как обращается к нему Турбина: «Мой свете ясный!..»

«Полоцк, поцелуй в висок, София...» — как бы по совершенно личным мотивам возвращается Турбина в состояние первого послечернобыльского лета, но вот очерчивается наброском в памяти: пугающе-пустой, с синевой, зной — и медленное, как на волах, выселение из зоны, и бабуленька в деревушке под Хойниками, сухонькая, белая в желтом платочке, прощально целующая яблоню возле заколоченного колодца и причитающая: «Яблынька мая, яблынька, а ужо ж не есци мне твае яблычки...»

Людей из деревни выселили — и вернули, яблоки едят и воду пьют. Зоной распорядились не по личным мотивам, а сообразно государственной выгоде — и остаются разве что заключительные строки стихотворения, никого и ни к чему не обязывающий вопрос: «Чьи предупреждения скупые — Роковые будущего вести?..»

«Вильнюс — вольность, литой сундучок...» Целый раздел книги — прогулки с редкими прохожими по некогда (совсем недавно, когда «Был тогда ещё Вильнюс без визы...») неразорванному, неразъятому пространству, по которому бредешь, как по Атлантиде.

«Этот город — корабль на закате. Этот чёрный — по красному — дым», — это Баку.

«Багча шамал — в саду ветров Не сад — персидские эмали», — Фергана.

«Узкой улочкой — к забвенью», — Рига.

«Где время неспешно Струится, как в тихом арыке вода», — Ашхабад.

«Под знаком Фатали — оркестрик на вокзале», — Шэки.

«Свечение двух лиц — напротив, с чашкой чая, Общенье без границ — я по тебе скучаю!..»

Да, будто прогулка по Атлантиде... И нечаянно думаешь: когда кто-то из нас, живших там, говорит, что нисколько не тоскует, не болеет по бывшей нашей единой стране, то почему, зачем мы это говорим?.. Особенно тогда, когда никто нас об этом не спрашивает?

Может быть, потому что вовсе не мы с ней, а она, «Родина расстаётся с нами..» — как догадывается Любовь Турбина в стихотворении с эпиграфом из Ахматовой: « Думали — нищие мы». Такое расставание нельзя до конца понять, его невозможно объяснить, скажем, законами разрушения империи. Это расстанутся в тебе две разных жизни. Выпавшие на одну. И поэтому в стихах, открывающих книгу, строки в начале: «Распада и в помине нет Того, что звали мы Отчизной...» и строки в конце: «Но что до этого теперь Во мгле сегодняшних потерь?..»

Но и это ещё не все: «Ещё сознание пропажи, Весь главный ужас — впереди».

Интуитивно, вне всякой логики чувствуешь, что и этот непредставимый, сам в себе затаившейся, главный

некий ужас — не исключен... Ибо всякий раз содрогнешься, представляя, чего могло стоить нам то, что свершилось на переломе столетий, и молишься, чтобы обошлось теми крушениями, что уже произошли, в руинах которых — обломками бывшего и фантомами будущего — опасно играем в чужих и своих.

У каждого свои чужие и свои свои... Чужих, кажется, не счесть, своих же мало и всё меньше, столько, что поди их сыщи, тем более, когда почти все они в прошлом и даже в позапрошлом: «Нет, не Онегин, а Рудин — Вот удивительно наш». Может быть, это так, может, не так: «Нет, не Обломов, а Рудин — Идеалист, книгочей...» — но пытаешься кого-то найти и за что-то уцепиться, будоражишь себя и беспокоишь тени: «В той мировой круговерти Спутались судьбы идей. Рудин, Полшага до смерти Множества лишних людей».

Не из этого ли — достаточно неожиданное: «Жизнь — упущенное чудо...». Не ускользающее, а упущенное: словно контрапункт к названию книги, из общей тональности, из контекста которой никак не следует, будто чуда вовсе не случилось:

«Не чужая я здесь, и походка легка небывало!
Свою первую, юную Польшу протанцевала...»,

и «Шел дождь в тот день в Шэки — Мы пробуем шербеты, Коснись моей щеки — ещё нельзя об этом...»,

и «Мы ели дыню — сладкий плод Из орошаемой пустыни, У райских, запертых ворот мы ели дыню...»,

и так далее: всяческих маленьких чудес, способных веером раскрыться в чудо, великое множество, однако и то, что случилось, и то, что не случилось, по прошествии одинаково упущено — и с этим ничего не подела-

ешь. Можно разве только — опять же в отчаянном противоречии с самим собой и в несогласии со всем тем, что проходит — предположить: «Вторично мы родимся сами Там, где душа отверзет взор». А предположив, в том же стихотворении о Петербурге утвердиться в невозвратном и непоправимом: «Блестит замёрзшая Нева, Я вдоль неузнанную тенью, Как виноватая в измене, как будто я уже мертва».

В сравнении с боярской дочерью, барско-думской Москвой, Петербург сегодня — словно пасынок России. Тени и призраки бывшего величия неприкаянно проплывают по его осыпающимся фасадам, пугливо шарахаются по неприбранным подворотням. Но на Невских берегах острее чувствуются и вина, и боль — и глубже в водах Невы мысль о будущем. Поэтому, наверное, поселившаяся в Москве Любовь Турбина ни самую себя, ни русскость свою в Москве не ищет: в книге нет ничего и никого московского, кроме разве нашего Рудина, умершего под поникшим знаменем у Белого дома. Так, может, и не в Москве в самом деле искать самую себя нынешней России?...

Впрочем, это не касается воспоминаний...

Почти каждое из них у Турбиной — смятение: или сейчас — из разрывов реальности — возникающее, или волной катящееся издалека, ещё из детства: « Я чувствую — творится что-то в мире, Но валенки никак не натянуть... А баба в шубе с запахом горелым Зачем за дверь? — только неспроста: Вдруг распахнётся и белеет тело, Страшнее смерти эта нагота». И вместе с этими воспоминаниями-смятениями, и над ними в книге присутствует то, что сам для себя я называю попыткой ве-

ры: «Далёкие птицы крестами Легли на остывший закат». Далеко не верой, ибо вера выше поэзии, труднее искусства, куда выше и труднее, поэтому, может, мы и занимаемся тем, чем заниматься легче: поэзией, искусством — как попыткой веры. И чаще всего попытка эта ведёт нас к вере — от утерянных начал, от истоков — самым древним, языческим путём, окликаая и отзываясь голосом, который в нашей крови.

«К вечеру вспомнят поверья Светлые пятна озёр. Страшно утратить доверье Братьев своих и сестёр. Травы, деревья и птицы — Словно чужая страна: Вдруг угадаешь их лица, Вспомнишь с трудом имена. Но, пониманье утратив, Как-то и слушать отвык

Посвист укрывшихся братьев, Сестринский древний язык. Ветви протянут объятья Прежде чем вспыхнет костёр — Руки покинутых братьев, Слёзы далёких сестёр...»

Стихи эти, как воспоминанья до воспоминаний, когда, глядя на воду или на огонь, помнишь всё и не помнишь ничего — и кем же быть нам, родившимся в поруганной вере и переселившимся в порушенную страну, как не случайными прохожими?.. Обретающими веру язычниками.

«Довольно! Оставим вину и прощенье —
Так времени мало».

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ТРУДНО ДАЛИСЬ ЭТИ ГОДЫ	3
И начиналось утро — морем,	4
Как трудно дались эти годы:	5
Поезд застыл — вокзал поехал;	6
Кто камень катит вверх — сорвется!	7
БОГЕМА	8
Блаженны одни телевизор смотрящие	9
Доброта ли мягкотелость?	10
МАМЕ	11
ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ	12
Жизнь — упущенное чудо	13
УЛИЦА ДЕТСТВА	15
Скарлатина, бумазея,	16
Перо нам — от птицы,	17
НАЧАЛО	18
БАЛЛАДА О БУЛОЧНОЙ	19
ОТЕЦ	21
13 МАРТА 1947	22
Ты помнишь детскую, сестра?	23
БРАТУ	24
К вечеру вспомнят поверья	25
Где центр стремительного круга?	26
14 СЕНТЯБРЯ	27
Вновь сентябрь устало	27
Мимо пролетают — тени не спугнут	28
ПЕРЕД СНОМ	29
Вот стою на пороге, всем ветрам отверста —	30
Стало весной на дорогах	31
ГОРОД ЛЮБВИ	32
«Люблю» — слово вылетит вместе с дыханьем	33
ПРЯЖА	34
Он протянул навстречу вдруг	35
Пробуждающий к жизни и радости дар!	36
ЗАКЛИНАНЬЕ	37
ПЕЙЗАЖ	38
ГОЛОС	39

ПИСЬМО	40
Ты уходил бесповоротно,	41
И сразу небо почернело,	42
Ты обозначился в судьбе.....	43
Ну, разумеется, ты прав —	44
ПРОЩАЛЬНОЕ.....	45
И вот, когда почти смирилась	45
ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА	46
В мире вымерло веселье,	47
Туман, и лужи непролазны.....	48
Ты есть — случилась весть	49
НАША НАДЕЖДА ЖИВА	50
Воздать хвалу! — Но снова трушу,.....	51
Крыжовка, осень, запустенье,.....	52
Кто обживал своим теплом.....	53
Вода, огонь, земля, любовь —	54
Вечерний, первый снег среди ветвей,.....	55
С годами приходит обратное зреньё,	56
Утекающее время... Прозвучало	57
ПО УЛИЦЕ ЯНКИ КУПАЛЫ	58
И вот что во сне приключилось со мной —	58
Вдали по дереву стучали... ..	59
Так вот он — тот прежний, кудрявый, живой!	60
Случились подряд невозможные вещи —	61
ОТПЛЫВАЮЩИЙ КАТЕР	62
СНЫ—ГОРОДА	63
Сны-города, просыпаясь, остыну от плача,.....	64
Не изгоняли, увезли,	65
Скучаю сладко так.....	66
А в Петербурге майском — ах!	67
Леша — легкость, летучесть, любовь... ..	68
Старый город — створки рамы.....	69
Прилепилась к стенке стенка,	70
О, тихий Амстердам... ..	71
Я по Софии гуляю по ночам,.....	72
Не чужая я здесь, и походка легка	73
БАКУ	74
Ночь в Красноводске — звездный свод	75
ФЕРГАНА	76

... И новых людей из невиданных мест	77
ШЭКИ	78
Вдоль кладбища мой предвечерний путь,.....	79
СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-дю-БУА	80
ПАРИЖ	81
В Хлебниково, где хлеба ни корочки,.....	82
ПОЕЗДКА В УЗКОЕ	84
ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА	85
Стремление все увязать воедино —.....	86
РУДИН	88
ЭКЗАМЕН ПО ЛИТЕРАТУРЕ	90
Два взмаха кисточки и щетки —	91
БАЛЕТ «АНЮТА»	92
Словечко забытое бросили Вы — прошвырнёмся,	94
И вдруг поверить до конца.....	95
Полоцк, поцелуй в висок, София —	96
Стряхнув осенних листьев бредни.....	97
Она присела на диван,.....	98
До петельки последней, до обрыва,	99
По вечерам я прячусь в ванной,.....	100
НА КАРТОШКЕ	101
МАРТ	102
ВИШНИ	103
НА РАСПУТЬЕ	104
НА РАСПУТЬЕ	105
ИЗ РАННЕЙ ЭРОТИКИ	106
КСЕНИИ	107
Чуть ночь — начинаю вдоль зданий уснувших скитанья,..	108
В МАШИНЕ	109
ПИГМАЛИОН Н.П.	110
Я вижу — ты перед полётом,.....	112
И теперь мне поступок тот дивен —.....	113
Пусть в почки сложены листья,	114
Вокруг Бульварного кольца.....	115
У остановки — свет фонарный,.....	116
Пора.....	117
ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН	118
Я несколькими жизнями живу,	119
ПУТНИК	120

ПУТНИК	121
Не сон, видение, кадр-стоп:	122
Тысячелетнее лето почти отошло,	123
ПОЕЗДКА В РЯЗАНЬ	124
— И неожиданно заиграли Грига,.....	125
— Свет непогасный, небо как веер,.....	126
Это не усталость, это зрелость:.....	127
Этот мост через речку в тумане — бегом по мосточку!.....	128
ДЕНЬ В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ	129
Но было что-то с давних пор,	130
ПОСЛЕ МИНСКА	131
Октябрьский, солнечный — он длится.....	132
В НОЧНОМ САДУ	133
ПРОЩАНИЕ С ЛОДЗЬЮ	134
НА СТАРОМ ФИЗФАКЕ	135
ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ	136
БУРГАС, ПРИМОРСКО	137
Хоть страсти, что горят в крови	138
Москва! Как много в этом звуке	139
Чужая страна — как мельницы трансвеститы.....	140
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК	141
ГАЛЯ	142
АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА	143
БОЛИТ МНЕ РОССИЯ	144
КОШКА СЕРАЯ В ПОЛОСКУ	145
КОНЕЦ ЛЕТА	146
Красавицы послевоенных лет,	147
ВПЕРВЫЕ В РИМЕ	149
РИМ ЯЗЫЧЕСКИЙ	150
МОНТЕ КАРЛО	151
ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ	152
ПРОЛЕТАЯ НАД АЛЬПАМИ	153
ОТТЕНКИ ОСЕНИ	154
ТЕРРИОКИ	155
ПОСВЯЩЕНИЕ	156
ЗВОНОК В ОКТЯБРЕ	157
ВЛАДИМИР НЕКЛЯЕВ	158
ПРОГУЛКИ С РЕДКИМИ ПРОХОЖИМИ	158